

Уроки поэмы о Великом Инквизиторе.

Сергей Шавырин¹

¹Email: serge.shavirin@phystech.edu

АННОТАЦИЯ В книге Достоевского “Братья Карамазовы” Великий Инквизитор объяснял по каким законам развиваются цивилизации. Почему в некоторых случаях возникают ситуации, когда эти законы нарушаются? Как кумир учения может стать его первым врагом. Что можно добавить к вопросам “страшного и умного духа”?

Командора шаги злы и гулки.
Я решил: как во времени оном –
Не пройтить ли, по плитам звеня? –
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

Владимир Высоцкий “Памятник”

СОДЕРЖАНИЕ

Как во времени оном.	1
Свобода по Инквизитору и его собеседнику.	2
Три вопроса “страшного и умного духа”.	3
Первый вопрос. “Хлеба”.	4
Второй вопрос. “Чудо, тайна и авторитет”.	4
Третий вопрос. “Меч кесаря”.	5
Четвёртый вопрос.	5

КАК ВО ВРЕМЕНИ ОНОМ.

Фундаментальные законы природы и научный метод исследования в физике определяются просто и естественно. Всё происходящее во Вселенной подчиняется законам, которые можно сформулировать, изучать, уточнять и проверять на опытах. Умозаключения и выводы делаются с помощью правил и принципов рассуждения на основе наблюдаемых и измеряемых эмпирических данных. Базой получения данных являются наблюдения и эксперименты. Для объяснения наблюдаемых фактов выдвигаются гипотезы и строятся теории, на основании которых в свою очередь строится модель изучаемого объекта. Сформулировать законы развития общества и цивилизации в целом значительно сложнее, поскольку объект изучения включает множество субъективных факторов, которые невозможно “измерить”. В то же время в истории человечества достаточно событий для понимания принципов развития общества.

Так, первым революционным преобразованием человеческой цивилизации был переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству – палеолит сменился неолитом. При этом возникла совершенно неочевидная необходимость для объединения людей в сообщества и в конечном итоге в государства. Но, что сыграло основную роль при переходе к неолиту и возникновению

государств? Каковы главные принципы развития цивилизаций?

В поэме Ивана Карамазова “Великий Инквизитор” из книги Достоевского “Братья Карамазовы” обсуждаются законы, по которым живёт и развивается мир людей. Монолог Великого Инквизитора — это настоящий научный семинар на тему объективных законов общественного развития. Анализу выводов этой лекции посвящена моя статья. Как говорил Великий Инквизитор, сам факт формулировки законов развития общества является чудом.

Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примера, что три эти вопроса страшного духа бесследно утрачены в книгах и что их надо восстановить вновь придумать и сочинить, чтоб внести опять в книги, и для этого собрать всех мудрецов земных — правителей, первосвященников, учёных, философов, поэтов — и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того, в трёх словах, в трёх только фразах человеческих, всю будущую историю мира и человечества, — то думаешь ли ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трём вопросам которые действительно были предложены тебе тогда могучим и умным духом в пустыне?

Достоевский приводит перевод стихотворения Шиллера “Желание”, взятое Василием Жуковским в качестве эпиграфа ко второй части своей поэмы “Двенадцать спящих дев”, “Вадим”.

Верь тому, что сердце скажет.
Нет залогов от небес.

Эта поэма является вольной переработкой одноимённого романа немецкого писателя Х.-Г. Шписса, сюжет которого был значительно изменён и русифицирован. Читата призывает никому не верить и доверять только своему рассудку и здравому смыслу. Правда, Пушкин в

посвящении к “Евгению Онегину” называет свой роман, обладающий элементами откровения, “залогом дружбы”. Главной темой “Двенадцати спящих дев” является традиционная для немецкой литературы тема Фауста – заключение договора с дьяволом. Действие происходит во времена Киевской Руси. Громобой клянет свой печальный жребий, нищую и бездомную жизнь, с которой уже готов свести счёты. Перед ним появляется дьявол Асмодей в образе страшного старика и предлагает ему богатство и веселье, требуя за это продать душу. Громобой соглашается. Он проживает отмеренный ему срок с удачей и достатком. У него рождается двенадцать дочерей. Когда приходит день расплаты, то Громобой, не желающий отправляться в ад, заключает новый договор с дьяволом, обещая продать ему в добавок ещё и души своих дочерей. Раскаившийся Громобой теперь ведёт праведную жизнь и когда приходит час расплаты, является ангел, смягчающий его участь. Доколе чистый душою добрый молодец, не воспламенится любовью к одной из дев, не видя её, и не придёт снять с неё и сестёр заклание, они будут спать непробудным сном, а душа их отца присуждена томиться в отверженной могиле, ожидая искупления.

Во второй части “Двенадцати спящих дев”, прекрасный новгородский юноша, Вадим во сне, видит деву, черты которой скрыты покрывалом, а на челе лежит благоуханный венок. Вадим садится на коня и скачет по направлению к югу, чтобы найти эту прекрасную девушку. У Пушкина есть поэма “Вадим”, посвящённая аналогичной тематике.

Посреди тысяч сжигаемых на кострах врагов христианской веры, во времена самого мрачного средневековья появляется Иисус или некто очень на него похожий, но не “как молния, блистающая от востока до запада”¹ а в самом простом виде – как он разгуливал по древней Иудее пятнадцать веков до этого “во времени оном”. Он производит несколько исцелений, в том числе традиционно воскрешает девочку: “Талифа куми” – “и восста девица”². В это время мимо собора по площади проходит кардинал Великий Инквизитор. Он не “в великолепных кардинальских одеждах своих, в каких красовался вчера пред народом, когда сжигали врагов римской веры”, а “в старой, грубой монашеской своей рясе”. Увидев, как Иисус воскресил девочку, он приказывает “священной” страже арестовать и заключить его “в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании святого судилища”. При этом толпа, “как один человек склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо”. Продержав Иисуса сутки в тюрьме, инквизитор приходит к нему и читает лекцию, в которой доказывает, что, если кто и заслужил быть первым сожжён на костре так это сам Иисус.

ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь. Но знаешь ли, что

будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к твоему костру угли, знаешь ты это?

По мнению Великого Инквизитора, его собеседник не имеет права ничего добавить к тому, что им уже сказано и возвестить хотя бы одну тайну из того мира, из которого он пришел. В этом случае новое слово явится как чудо и отнимет у людей “свободу”.

СВОБОДА ПО ИНКВИЗИТОРУ И ЕГО СОБЕСЕДНИКУ

Понятие “свободы”, как её понимает Великий Инквизитор и то, как её понимает его собеседник, принципиально отличаются. Иисус Достоевского достаточно своеобразен и не вполне традиционен. В одном из своих писем писатель замечает:

Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной³.

Свобода по Иисусу Достоевского — это чистое волеизъявление в соответствии со стремлениями и запросами своей души, независимо от того, что требуют деньги, правящая идеология или государство. Свобода по Великому Инквизитору предполагает отсутствие необходимости делать свой выбор в пользу какой-то веры, религии или мнения. Так, сидящий в тюрьме может чувствовать себя свободнее того, кому нужно постоянно думать о деньгах, ходить по магазинам, на работу, заботиться о семье. Существуют такие люди, которые предпочитают тюрьму жизни на свободе, поскольку в тюрьме “всё вам дадут, всё вам споют – будьте прилежными”⁴. Те кто не мучается вопросами типа “быть или не быть” и полностью уверовал в церковь Инквизитора, вполне уверены, что свободны, а вместе с этим, как объяснил кардинал, принесли свою свободу и положили ее покорно к его ногам. Человек, который ни о чём не думает, абсолютно счастлив. No brain – no pain⁵.

Свобода по Инквизитору похожа на мечту Скупого рыцаря и Аркадия из “Подростка” – покой и спокойствие. Свобода по Иисусу Достоевского напоминает картину из стихотворения Лермонтова “Парус”. Это имеет отдалённое отношение к евангельскому Иисусу, но каким он был на самом деле не известно никому.

Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

³Достоевский Ф.М. Письма. 39. Н. Д. Фонвизиной. Конец января — 20-е числа февраля 1854. Омск // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 95—98.

⁴Владимир Высоцкий “Парня спасём...”

⁵Тот, у кого нет мозгов не чувствует боли. Дуракам жить легче.

¹Мф. 24:27, Лк. 17:24

²Мк. 5:40—42, Лк. 8:52—55, Мф. 9:23—25

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Стремление к свободе и гибель Иисуса можно сравнить с гибелью Мцыри из поэмы Лермонтова. Иисус у Достоевского, выслушивая Инквизитора, не произносит ни одного слова. Чернец, пришедший к Мцыри, тоже не произносит ни одного слова. Мцыри так объясняет своё понимание свободы:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;

В пьесе Бертольда Брехта, Галилей в своём монологе, озвученном Владимиром Высоцким, описывает свободу науки:

Наука распространяет знания, добытые с помощью сомнений. Добывая знания обо всем и для всех, она стремится всех сделать сомневающимися. Но правители погружают большинство населения в искрящийся туман суеверий и старых слов. Туман, который скрывает темные делишки власть имущих. Наше новое искусство сомнения восхитило тысячи людей. Огни вырвали из наших рук телескоп и направили его на своих угнетателей. И эти корыстные насильники, жадно присваивающие плоды научных трудов, внезапно ощутили на себе холодный испытующий взгляд науки.

Иван Карамазов приводит стихи Тютчева:

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

В контексте поэмы Ивана Карамазова эти стихи можно понимать так. “Царь небесный” — раб в руках религии. Независимо от того существует бог или нет и что он представляет на самом деле, понятие “бога” в религии — это главный механизм власти. Будучи мёртвым образом, статуя командора способна только молча принимать воздыхания Донны Анны и совсем неопасна. Проявлять признаки жизни “царю небесному” на земле запрещено. Это объясняет Великий Инквизитор:

...мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твоё. Мы их обманом опять, ибо тебя мы уж не пустим к себе.

События поэмы происходят тёмной, горячей и “бездыханной” севильской ночью, когда воздух “лавром и лимоном пахнет”. Это изменённая цитата из трагедии Пушкина “Каменный гость”:

Приди — открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим тёплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет...

Противостояние Иисуса из поэмы и Инквизитора, подобно схватке Дон Гуана и статуи командора, победить которую невозможно. Если Иисус вызовет на единоборство Инквизитора, то будет неминуемо сожжён на костре. Но ситуацию можно понимать и иначе. Кумиром кардинала является евангельский Иисус, превращённый из живого человека в статую. И, теперь, если мёртвая статуя проявит признаки жизни — кумир будет разгуливать по улицам, как “во времени оном”, то это приведёт к полному краху идеологии. Владимир Высоцкий, игравший в фильме Швейцера “Маленькие трагедии” Дон Гуана, написал стихотворение “Памятник”. Иногда Высоцкий читал его, как стихи, иногда подыгрывал себе на гитаре. В памятник закован сам главный герой и быть в таком безжизненном виде ему совсем не хочется. Когда мифы оживают это всегда фатально для кумиров и учений, для которых эти кумиры были созданы:

Командора шаги злы и гулки.
Я решил: как во времени оном —
Не пройти ли, по плитам звеня?—
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

Накренился я - гол, безобразен,—
Но и падая - вылез из кожи,
Дотянулся железной клюкой,—
И, когда уже грохнулся наземь,
Из разодранных рупоров все же
Прохрипел я похоже: “Живой!”

Доколе же “царю небесному” находиться “в рабском виде”?

ТРИ ВОПРОСА “СТРАШНОГО И УМНОГО ДУХА”.

Великий Инквизитор приводит евангельский пример искушений Иисуса дьяволом⁶. “Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия”, говоривший с Иисусом, предложил ему использовать три механизма, с помощью которых тот смог бы просто управлять людьми, но Иисус отверг эти искушения. Эти искушения или “вопросы” включают “хлеба”, “чудо” и “меч кесаря”. Нужно оговориться — христианские писания приводят множество чудес, совершенных Иисусом, для подтверждения его божественного статуса, например, чудо “насыщения 5000 людей”:

Он же, взяв пять хлебов и две рыбы и возрев на небо, благословил их, преломил и дал ученикам, чтобы раздать народу. И ели, и насытились все; и оставшихся у них кусков набрано двенадцать коробов⁷.

⁶Мф 4:1-11, Лк 4:1-13

⁷Мф. 14:13-21, Мк. 6:31-44, Лк. 9:10-17 и Ин. 6:5-15

Кстати, это единственное чудо (кроме воскресения), которое присутствует во всех четырёх евангельских книгах Нового Завета. Можно предположить, что “чудеса Иисуса” в контексте поэмы Ивана Карамазова принадлежат к деятельности тех, кому Иисус “к счастью, уходя” передал своё дело, поскольку нарушают его отказ от использования “чудес” и “хлебов”.

Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вечночным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Тогда это не могло быть ещё так видно, ибо будущее было неведомо, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что всё в этих трёх вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более.

Логика поэмы Ивана Карамазова добавляет ещё один вопрос, нарушающий принципы Инквизитора, об этом ниже.

Первый вопрос. “Хлеба”.

Великий Инквизитор предлагает собеседнику самому ответить на вопрос прав ли он был, отказавшись от предложенных искушений. Действительно – можно ли было в принципе создать мировую религию без использования трёх главных механизмов человеческой психики? Первый, “хлеба” имеет отношение к аналогу физического принципа “наименьшего действия”. Люди способны уверовать только в то, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение и обязательно всем вместе. Чтобы не мучиться в догадках, не задавать себе вопросы и никогда не сомневаться.

видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои.” Но ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами?

Можно считать вполне пророческими слова Великого Инквизитора из книги, написанной Достоевским в 1879 году, об истории возникновения коммунистической идеологии и коммунистических государств XX века:

Знаешь ли ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть нет и греха, а есть лишь только голодные. “Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!” вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой.

Сладкая неправда бывает много предпочтительнее грубой реальности. Состояние “полной уверенности и спокойствия” обладает наибольшей энтропией и наиболее энергетически выгодно, а следовательно, подчиняется “закону хлебов”. После разочарования в коммунизме придут совсем иные времена.

ибо к нам же ведь придут они промучившись ... отыщут нас тогда опять под землёй, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: “Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали”⁸. И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя твоё, и солжём, что во имя твоё. ...

Второй вопрос. “Чудо, тайна и авторитет”.

Второе “искушение”, упомянутое Инквизитором, – это роль чудес, тайны и авторитаризма в установлении идеологических или этических систем.

Чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек ищет не столько бога, сколько чудес.

Тайна привлекает, создаёт ауру чего-то необычайного, сверхъестественного, а следовательно, имеющего дополнительное основание легитимности. Если какое-то явление природы не может быть объяснено, то его можно объявить свойством богов. Одни из самых впечатляющих явлений природы — Гроза и Молния всегда ассоциировались с богами. Индра разъезжает по небу на колеснице с огнём и пламенем. Аналогичными свойствами обладали греческий Зевс и славянский Перун. В русском народном псевдо-христианстве, Перун преобразился в Илью Пророка, который, повторяя подвиги Индры, носился по небу на своей небесной колеснице, неся за собой громы и молнии. Приверженность идеям вращения Земли вокруг Солнца и шарообразности Земли привели к сожжению не одного “злого еретика”. Защищая научные достижения, они выступали против областей, квалифицирующихся в религии, как “Тайна”. Что бы стало с христианством без чуда “воскресения Иисуса”?

Но тогда-то и приползёт к нам зверь, и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих⁹. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: „Тайна!“. Но тогда лишь и тогда настанет для людей царство покоя и счастья.

Здесь отсылка к монологу Скупого рыцаря Пушкина:

Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползёт окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.

⁸Откр. 13:4

⁹Откр. 13, Откр. 17:3-17

Чудесами называют такие явления, которые нарушают или выглядят как нарушение известных законов природы. Если “чудо” произошло давно, то ему доверия очень мало, однако, например, репликация ДНК, синтез белков или транспорт в клетках являются по определению “чудесами”, поскольку нарушают все известные законы природы – обыкновенные молекулы ведут себя как живые организмы. В рамках материализма считается, что чудес существовать в принципе не может и любое явление должно рано или поздно найти своё объяснение в науке. Может, правда, так оказаться, что при объяснении каких-то явлений представление о мире будет расширено таким образом, что его “материальная” часть станет лишь одной из составляющих. При объяснении движения образов на мониторе компьютера, рано или поздно нужно будет признать существование системного блока. Необходимость чудес часто связывают с необходимостью обосновывать какие-либо идеологии. Так “чудотворная икона” неизменный спутник христианства.

Для изучения явлений, классифицирующихся, как чудеса, нужно было бы в первую очередь отсеять те, которые прямо или косвенно кого-то защищают, однако если чудо ни на кого не работает, а живёт само по себе – такие явления обществом обычно игнорируются. Для примера можно рассмотреть в течение многих лет регулярно возникающие рисунки на полях. Некоторые изображения проявляются только после того, как поле скошено – когда остаются области с зелёной не засохшей кукурузой или пшеницей, выделяющиеся на общем жёлтом фоне. Это уж никак нельзя объяснить тем, что “кто-то в поле стал ходить и пшеницу шевелить”¹⁰. В статье “[Вирус иммунного апгрейда HIV+ +. Гипотеза существования.](#)” я описал серию рисунков, появившихся в Англии в 2000-2002 годах, которые я связываю с презентацией людям вируса, способного победить ряд неизлечимых заболеваний.

Ещё один механизм управляющий обществом – это авторитаризм, когда идея имеет вес, зависящий от общественного статуса того, кто её высказал. Если бы кто-то попробовал критиковать Ленина или Сталина во времена репрессий, то его неизбежно ждал бы ГУЛАГ и расстрел. Но, реальный человек не столь идеален, как это требуется для “вечной” идеологии. Стабильность религий высока, поскольку в них авторитетом обладают мифологические персонажи, принципиально не способные проявлять признаки живого. Однако, в поэме Ивана Карамазова нарисована ситуация, когда тот, кого считают центром религии, фактически богом, начинает как ни в чём не бывало расхаживать по улицам, да ещё воскрешать разных девиц... Конечно, Великому Инквизитору ничего не остаётся как сжечь негодяя.

Третий вопрос. “Меч кесаря”.

Третье искушение, которое комментирует Великий Инквизитор – искушение властью или “Меч кесаря”. Это механизм, управляющий на земле многим. Все стремят-

ся к власти или к расширению области своих “жизненных интересов”. Даже конторский служащий мечтает не только о повышении зарплаты, но и о том, чтобы получить возможность властвовать над людьми... в качестве скажем начальника отдела. Любое государство строится по этому принципу. Если бы никто не хотел власти, построить государство было бы невозможно. В истории возникновения и развития христианства определяющим событием стало его принятие Римской Империей. Авторитет религиозного учения значительно возрастает, если она пользуется поддержкой у светской власти. Существование “государственной идеологии” ведёт за собой возникновение борцов за права человека и соответственно “узников совести” и “врагов народа”. В теократическом обществе для утверждения своей воли идеология использует полицию, суды и тюрьмы. Великий Инквизитор так комментирует это в своей проповеди:

А между тем ты бы мог еще и тогда взять Меч Кесаря. Зачем ты отверг этот последний дар? Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то-есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своим стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимур и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. Приняв мир и порфиру Кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их.

Можно ли представить себе Иисуса, использующего полицию, суды и тюрьмы для утверждения своей правды?

ЧЕТВЁРТЫЙ ВОПРОС.

В конце повествования инквизитор отпускает собеседника, похожего на Иисуса, “на тёмные стогна града”. Это отсылка к стихотворению Пушкина “Воспоминание”, начинающееся строками:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда...

В отличие от “немых”, то есть безмолвных стогн Пушкина, у Достоевского стогна “тёмные”, что имеет отношение к “тёмным векам средневековья”. Автор “Воспоминания” говорит о своей жизни с презрением, его мучают угрызения сердца. Он трепещет, проклинает, горько жалуется, горько льёт слёзы, однако при всём при этом пе-

¹⁰П.П. Ершов “Конёк горбунок”.

чальных слов не смывает. И на это есть причины. Если целью является создание христианской цивилизации, то избежать использования упомянутых кардиналом средств никак нельзя. Природа людей в общей массе не смогла бы принять никакого другого метода. Создатель религии должен был подобно Фаусту Гёте или Громобою из “Двенадцати спящих дев” Жуковского, заключить договор со “страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия”, то есть фактически Мефистофелем, для того чтобы на время стать похожим на Мельмота Скитальца из книги Чарльза Метьюрина.

В церковнославянском переводе Нового Завета, слово “стогны” появляется в притче Иисуса “О брачном пире” из 14 главы Евангелия от Луки. Человек (или бог) позвал “избранных” на свадьбу своего сына, однако “избранные” прийти отказались. Тогда “хозяин дома” сказал своему рабу, чтобы тот вышел на широкую площадь и улицы (стогны) и привёл к нему на пир всех, кто ему попадётся, включая нищих, увечных, хромых и слепых. Отсюда известное крылатое выражение “много званых, но мало избранных”. На церковнославянском языке это звучит так:

И пришед раб той поведа господину своему сия. Тогда разгневався дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутия и стогны града, и нищия и бедныя и слепыя и хромыя введи семо¹¹.

Именно об этом говорил Великий Инквизитор. Продукт, который жизнеспособен развиваться в мировую религиозную систему должен быть рассчитан на принятие широкими народными массами, а не горской “избранных”. Своё первоначальное распространение раннее христианство получило не в залах древних академий, не в иерусалимском храме, не в синагогах и не при дворе кесаря. Идеи христианства поддерживали широкие народные массы на улицах и площадях, то есть на стогнах. Но, принципы, по которым построено учение, превращающего живого человека в бога, делают реальность главным врагом религии. Так, разрушителем коммунизма в России оказался обожествлённый Ленин, который в результате “Гласности” обнажил все свои отнюдь не идеальные человеческие стороны.

Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую ты благословил людей, и я готовился стать в число избранных твоих, в число могучих и сильных с жаждой “восполнить число”¹². Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили подвиг твой. Я ушёл от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам

мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костёр, то это ты.

В конце монолога, Великий Инквизитор хочет услышать какой-то ответ от своего собеседника, но вместо этого Иисус “молча приближается к старику и тихо целует его в бескровные девяностолетние уста”. Этот странный поцелуй можно понимать по-разному. С одной стороны, он напоминает “поцелуй Иуды”¹³. Действительно, если “исправившие его подвиг” сочли возможным действовать от имени Иисуса, продавая его за “хлеба”, “чудо” и “меч кесаря”, то существует полное моральное право при случае также продать всю эту “церковь Антихриста” за тридцать сребренников. Но, поэма расположена в книге Достоевского “Братья Карамазовы”, поэтому поцелуй Иисуса должен означать то же самое, что и поклон старца Зосимы Дмитрию Карамазову в главе “Зачем живёт такой человек!”.

Показалось мне вчера нечто страшное... словно всю судьбу его выразил вчера его взгляд. Был такой у него один взгляд... так что ужаснулся я в сердце моем мгновенно тому, что уготовляет этот человек для себя. Раз или два в жизни видел я у некоторых такое же выражение лица... как бы изображавшее всю судьбу тех людей, и судьба их, увы, сбылась. Послал я тебя к нему, Алексей, ибо думал, что братский лик твой поможет ему. Но всё от господя и все судьбы наши. “Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода”¹⁴. Запомни сие.

Поэма Ивана Карамазова появляется в *пятой книге* “пятикнижия” Достоевского “Братья Карамазовы”, в *пятой части* книги, в *пятом пункте*. Как я показал в книге “По ту сторону Пушкина” и в статье “[Маленькие трагедии Пушкина, как план-схема главных книг Достоевского](#)” “[Число 5](#)” можно ассоциировать с нарушениями законов материального мира, как декларации живого существа на свободу и независимость. Это четвёртый вопрос, который можно добавить к законам “страшного и умного духа”. Если заключение договора с монголо-татарами Иваном Калитой в XIV веке привело к фактическому созданию и значительному усилению Москвы и Московского государства, логическим завершением “Великой тишины” могла стать только Куликовская битва¹⁵. Инквизитор объяснил, что при создании церкви фактически был заключён договор с дьяволом и приняты все искушения, отвергнутые Иисусом, поэтому Инквизитор неизбежно должен закончить так же печально, как и Мельмот Скиталец у Чарльза Метьюрина. Поцеловав Инквизитора, Иисус Достоевского поклонился его будущим великим страданиям.

¹³Мф. 26:47–50, Мк. 14:43–45

¹⁴Ин. 12:24

¹⁵см.напр. Шабульдо Ф. М. “Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского”.

¹¹Лк. 14:21

¹²Откр. 6:9-11